

Газнюк Лидия Михайловна
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии и теологии, социально-теологический факультет,
Белгородский государственный университет, 308015, Россия, г. Белгород
e-mail: lgazn@mail.ru

ТЕЛЕСНОСТЬ КАК ОСНОВА ЖЕНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КУЛЬТУРЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Аннотация: Статья посвящена исследованию особенностей феномена перформативности как ряда повторяющихся актов утверждения гендерной идентичности и характерной относительности свободы выбора в процессе гендерной стилизации тела, определённой социокультурным контекстом функционирования субъекта. Проведенное исследование позволяет утверждать, что индустрия моды, в основе которой лежат выработки гендерных идентичностей, представленные как модели внешности и поведения, отражает глубинную сущность явления перформативности.

Ключевые слова: телесность, гендерная идентичность, профессиональные стандарты красоты, модели внешности, эстетическая хирургия, феминность.

Gazniuk Lydia Mikhailovna
Dr Hab. of Philosophical Sciences, Professor,
Professor of Department of Philosophy and Theology,
Socio-Theological Faculty, Belgorod State University, 308015, Russia, Belgorod
e-mail: lgazn@mail.ru

CORPOREALITY AS A BASIS OF WOMEN'S IDENTITY IN THE CULTURE OF EVERYDAY LIFE

Abstract: The article is devoted to the study of the peculiarities of the performativity phenomenon as a series of repeated acts confirming gender identity and the characteristic relativity of freedom of choice in the process of gender styling of the body, determined by the socio-cultural context of the subject's functioning. The conducted research allows to assert that the fashion industry, which is based on the development of gender identities, presented as models of appearance and behavior, reflects the deep essence of the performativity phenomenon.

Keywords: corporality, gender identity, professional standards of beauty, models of appearance, aesthetic surgery, femininity.

Женское тело в культуре всех времён оставалось полем битвы между традиционным, ортодоксальным, патриархальным властным порядком и женским правом на субъектность, пространством противостояния статуса Другого и его подчинённой позиции, несовершенной, отчужденной от самой себя. Именно в телесном бытии ярко представлены основные вопросы женской подчинённости: репродуктивные и эротические права, сексуальная объективация, принуждение к эстетической привлекательности, экономическая зависимость, ограничения в возможности ведения профессиональной деятельности, физическое насилие, сексуальная идентичность, неприкосновенность частной жизни и эссенциалистское обоснование женственности. Остановимся на более подробном рассмотрении проблем, касающихся повседневных телесных практик реализации феминности: труда ради красоты, эстетической хирургии, культа контроля веса, расстройств пищевого поведения и чисто женских физиологических процессов.

Применяя феноменологическую, психоаналитическую, экзистенциальную и постструктуралистскую методологию, феминистские исследовательницы сформулировали различные версии и подходы к проблематизации вопросов повседневных форм воплощения феминности, однако наиболее подходящей для объяснения природы и механизмов действия этих процессов представляется концепция «дисциплинарных практик» Мишеля Фуко. Нормы отношения женщин к своему телу, диета, некоторые виды упражнений, забота о волосах, коже и т.д. – все они удовлетворяют критериям Фуко для дисциплинарных методов. В сексистском обществе освоение мастерства такой дисциплинарности зачастую может предоставить женщине больше власти, чем она могла бы получить иным способом; именно в этом заключается часть широко распространенной привлекательности таких методов.

Примечательно, что упомянутые нормы также соответствуют и другим признакам власти по Фуко: методической работе над телами подчинённых с целью превращения их в «послушные тела» (многочисленные догматические системы ухода за внешностью и телом), наличию постоянного контроля за телом (перманентная сверка своих результатов с общественными идеалами женской красоты), объективации тела дисциплинарной властью (расщепление «практиками заботы» о теле женщины на отдельные элементы – лицо, волосы, кожа, руки, ногти и т.д., которые требуют разных подходов), существованию системы наказаний и поощрений (общественное мнение относительно телесного состояния женщины), учитывая как технику иерархического надзора (демонстрация своего тела как результата прилагаемых усилий перед социумом) [1]. Для более глубокого понимания механизмов реализации дискурсивных практик в пространстве телесного опыта женщин обратимся к концепции профессиональных стандартов красоты, разработанной Наоми Вульф в работе «Миф о красоте» о конкурсах на определённую вакансию как не соответствующих канонам красоты. В частности, к таким профессиям можно отнести секретарш, манекенщиц, стюардесс, официанток, ассистенток руководителей, продавщиц-консультантов, актрис, танцовщиц, которым ещё на стадии подачи резюме необходимо обязательно представлять в портфолио свои фото, часто в полный рост.

Указанная классификация работает в рамках мифа о красоте, неофициально требуя от женщин соответствия профессиональным стандартам красоты через систему постоянных взносов, как финансовых, так и моральных, физических, в развитие собственной красоты как неперемного условия профессионального роста. Приводя многочисленные факты профессиональной дискриминации женщин за их внешность, исследовательница выводит общий принцип профессиональных стандартов красоты, согласно которому «Работающие женщины на Западе становятся яркими и заметными, только если они «хорошие», даже если не отличаются профессионализмом или просто плохо выполняют свою работу. Если же они умеют хорошо выполнять свою работу, но при этом является «некрасивыми», их никто не заметит, а их преимущества не принесут никакой пользы. Но, в конце концов, они могут быть хорошими работницами, красивыми, а также обладать рядом других качеств, но с течением времени, состарившись, они все равно исчезнут из виду» [2, с. 57]. Формы предпринимаемых в отношении внешности усилий, ожидаемые от женщин и далеко не всегда обсуждаемых явным образом, охватывают те задачи, которые женщины перед собой ставят и решают, чтобы приблизиться к сложившемуся в обществе идеалу женской красоты. Пребывание на диете, приобретение косметики и одежды, повышающих их привлекательность, и тщательное наложение грима – примеры работы ради красоты.

Развивая мысль Вульф, целесообразно вспомнить колумбийский комедийный телесериал «Некрасивая Бетти» (1999-2001) о чрезвычайно сообразительной и умной, но лишенной привлекательной внешности, чувства стиля и хорошей фигуры секретарши, которая работает в модном издании, влюбляется без взаимности, но в итоге переживает как счастливую любовную историю, так и полное внешнее перевоплощение, становясь красивой и ухоженной. Названный сериал пережил семнадцать адаптаций в разных странах мира (Индия, Турция, Германия, Мексика, Греция, Китай, США и др.) и, в частности, получил

особую популярность и на постсоветском пространстве, будучи экранизированным в России под названием «Не родись красивой» (2005-2006). Очевидно, что мелодраматический сюжет с хэппи-эндом, который описывает любовь к внутренней красоте женщины, запустившую механизм перевоплощения её внешности и обретения конвенциональной привлекательности, а значит и несомненной гарантии права на профессиональный и личный успех, не мог не завоевать женскую аудиторию, которая мыслит себя в рамках мифа о красоте как необходимого условия для получения успеха во всех его измерениях. Попутно отметим, что явление конвенциональной привлекательности как формирования образа собственного тела через соблюдение определённого кодекса правил, часто определённых актуальными модными трендами, и выполнения ритуализованных действий по уходу за внешностью (еженедельный маникюр, регулярное посещение парикмахера, косметолога, выбор одежды согласно советам стилистов) бытует как среди мужчин, так и среди женщин, однако именно последние в большей степени испытывают потребность иметь внешность, соответствующую культурно-социальным представлениям и нормам определённого сообщества. Причины такого стремления объясняются культурным феноменом «лукизма», то есть «дискриминацией под влиянием оценки другого в качестве хорошего или нехорошего» [3, с. 83], в основе которой лежит устойчивое ассоциирование привлекательной внешности с положительными чертами характера и, соответственно, автоматическая привилегированность тех людей, чья внешность признается хорошей, приятной или желательной. Однако феминистское сообщество критически настроено в отношении подобных репрезентаций телесных практик обретения феминности, которые легитимизируют неравные возможности и профессиональную дискриминацию женщин. Особое внимание уделяется такому повседневному опыту женщин как потребительство, или практика шопинга. Британская исследовательница популярной культуры Джоан Холлоус рассматривает феномен потребительства как феминную деятельность, имеющую негативную окраску и противопоставляемую положительной, мужской деятельности производства товаров [4, с. 113].

Когда в шестидесятых годах XX века в США женщины стало массово отказываться от судьбы домохозяйки и обращаться к профессиональной деятельности, рынок товаров домашнего обихода с многомиллионным оборотом заметно просел, и обозначившиеся убытки необходимо было компенсировать. Поэтому возник новый способ манипуляции женским чувством собственной неполноценности – культура ухода за собой, которая требует значительных финансовых вложений: «так был придуман современный миф о красоте его 33-миллиардной индустрией похудения и 20-миллиардной индустрией омоложения» [2, с. 101]. Справедливо будет отметить, что стойкое убеждение в особом внимании женщин к своей внешности и стремлении уделять значительное большую, по сравнению с мужчинами, часть времени для ухода за ней имеет исключительно патриархальный характер и является одним из самых длительных культурных мифов. Сегодня тенденция склонения женщины к устойчивой убеждённости в необходимости тщательного ухода за собой как неотъемлемой составляющей женского бытия приобретает всё больший масштаб, увеличивая количество косметических процедур, аксессуаров, гримерных средств и других атрибутов, которыми должна обладать современная женщина, чтобы соответствовать духу времени, который индустрия красоты выражает слоганом «Ведь ты этого достойна» (рекламный лозунг косметической марки L'Oréal Paris). Дополнительной экономической несправедливостью (кроме разницы в оплате труда по сравнению с мужчинами за выполнение одинаковых или похожих видов работ) для женщин является так называемый «розовый налог», который заключается в более высокой цене на товары, позиционируемые как женские: цветом, узором, запахом и др. Согласно данным 2015 года, представленных Советом Нью-Йорка по делам потребителей, в среднем продукция для женщин стоит на 7% дороже аналогичных товаров для мужчин. В частности, цена на детскую одежду для девочек в среднем выше на 4%, на игрушки и аксессуары на 7%, на одежду для взрослых и товары домашнего медицинского ухода на 8%, а средства личной гигиены на 13% [5].

Отдельным культурным феноменом, утверждающим стереотипы феминности в ракурсе практики потребления на глобальном уровне, является ониомания (шопоголизм), которая устойчиво трактуется как специфически женский порок. Подобное пристрастие, основной целью которого является получение удовольствия от процесса совершения покупки, а не от пользования приобретенным, может быть истолковано в категориях психологической компенсации собственного чувства неполноценности через акт утверждения своей финансовой состоятельности. Шопоголизм является распространенным сюжетом современного кинематографа и хорошо отображён, в частности, в таких фильмах как «Секс и город» (1998-2004), «Блондинка в законе» (2001, реж. Р. Лукетич), «Пианистка» (2001, реж. М. Ханеке), «Отчаянные домохозяйки» (2004-2012), «Подальше от тебя» (2005, реж. К. Хенсон). Повышенное внимание женщины к своей внешности и стремление уделять значительно больше по сравнению с мужчинами время для ухода за ней имеет патриархальный характер, что, в свою очередь, отражено в таком каноническом в истории искусства сюжете как женщина (чаще обнаженная и тщеславная), с удовлетворением рассматривающая своё отражение в зеркале: «Тщеславие» (1485) Мемлинга, «Обнаженная молодая женщина с зеркалом» (1512-1515) Беллини, «Венера с зеркалом» (1555) Тициана, «Аллегория бренности (Старая кокетка)» (1637) Строцци «Венера с зеркалом» (1651) Веласкеза, «Женщина за туалетом» (1738) Буше, «Тщеславие» (1886) Перро, «Женщина перед зеркалом» (1912) Кирхнера, «Девушка перед зеркалом» (1932) Пикассо, «Зеркало» (1936) Дельво, «Девушка в зеркале» (1964) Лихтенштейна.

Не менее важным вопросом женского дискурса является практика эстетической хирургии, которая рассматривается как личный выбор между противоположными полюсами: либерально-толерантным позиционированием пластической хирургии как инструмента совершенствования тела и исследованием подобных медицинских практик в ракурсе утверждения властного порядка над женским телом. Среди феминистских исследователей идут острые дискуссии относительно того, следует ли считать косметические операции по подтягиванию кожи, липосакцию или увеличению груди «культурной колонизацией женских тел» или средством установления большего контроля над своей жизнью. В частности, такие сторонницы первого подхода как Наоми Вульф, Сюзен Бордо, Кэтрин Морган, Розика Паркер, Розмари Джиллеспи, Вирджиния Блум убеждены, что женщины, которые прибегают к болезненным, опасным и изнурительным процедурам, являются жертвами имеющегося культурного дискурса бьютификации, который отрицает естественное физическое бытие тела с его уязвимостью, изменчивостью и смертностью, провозглашая господство европеоидного идеала красоты, вечно юного, с гладкой белой кожей и широким разрезом глаз. Несмотря на риторику «освобождения себя» и «заботы о себе» при «создании лучшей версии себя», в реальности происходит преобразование себя в объект, одобряемый Другими и в угоду Другим. Другой почти всегда находится под влиянием доминантной культуры, которая является андроцентричной, расистской, эйджистской, гетеросексистской, антисемитской, классово предвзятой и нетолерантной к людям с инвалидностью [6, с.59].

Представительницы второго подхода убеждены, что «бьютификация» как комплекс действий по улучшению внешности содержит мощный потенциал совершенствования тела и утверждения собственной идентичности. Подобные рефлексии рассматривают современных женщин как активных акторов своей жизни, а их решение о необходимости хирургической коррекции внешности трактуют как утверждение чувства самоценности, уверенности в себе и контроля над своей жизнью. Кроме того, настаивая на толерантном отношении к выбору каждой женщины по модификации её тела, они подчёркивают также важность вариативности значений, которые вкладывает в хирургические процедуры каждая отдельная пациентка: «Косметическая хирургия касается не красоты, а идентичности. Для женщины, которая чувствует себя в собственном теле как в ловушке из-за того, что оно не соответствует её восприятию себя, косметическая хирургия становится способом переобозначить идентичность через тело, ... переформатировать свою жизнь из-за изменения формы собственного тела» [7, с. 163]. Интересным примером реализации описанного

подхода является книга фотографий «Обнаженная реальность: 100 женщин, их грудь, их истории» (2015) британского фотографа Лоры Додсуорт, которая не только возвращает своим героиням право представлять свое тело вне эстетических норм привлекательности, но и эстетизирует традиционно табуированные внешние проявления последствий хирургического лечения груди. Ещё больший пафос освобождения приобретает косметическая хирургия для транссексуалов, для которых медицинские процедуры по приобретению нормативных феминных или маскулинных черт внешности, наравне с операциями по изменению пола, пластикой груди, мастэктомией и гормональной терапией, является способом утверждения собственной гендерной идентичности и даже условием безопасного существования.

Популярная трансгендерная модель Хери Неф, которая стала первой трансгендерной женщиной женщиной-моделью в истории, успешной на международном уровне, в своем выступлении «#FreeTheFemme: эстетика выживания» для TEDx ConnecticutCollege убедительно утверждает, что приобретение нормативной феминности даже в самых ярких её проявлениях (эффектное тело, макияж и сексуально соблазнительная одежда) не мешает трансгендерным женщинам быть феминистками, но даёт им возможность утвердиться в обществе как женщинам и даже не быть убитыми за недостаточно феминизированный вид [8].

Характерной особенностью современной косметической хирургии является лишение её статуса «элитарной» и доступной только для знаменитостей и состоятельных слоев общества с последующей нормализацией этой практики как привычной для обычной женщины, независимо от её социального положения, расы, национальности и профессии: «Однако в последнее время рекламируемые продукция и процедуры стали более инвазивными, дорогими и зачастую более опасными: инъекции ботокса, химические пилинги, липосакция, уменьшение желудка. И если раньше Шер и другие известные женщины считались несколько странными из-за своего чрезмерного беспокойства внешностью, а косметическая хирургия была для них профессиональной необходимостью, то теперь, вместе с появлением таких ТВ-шоу как «Полное перевоплощение» на канале ABC, «Хочу лицо как у звезды» на MTV и «Лебедь» на канале Fox, ни у кого не осталось оправданий, чтобы избежать подтяжек и пластики» [9]. Мощным инструментом указанной «нормализации» является ТВ-шоу, которые создают положительный и оптимистичный образ эстетической хирургии как действенного способа решения личных, психологических и социальных проблем. Кроме указанных телевизионных программ стоит назвать такие американские реалити-шоу как «Доктор 90210», «Пластическая хирургия: до и после», а также украинские адаптации описанных форматов: «Верните мне красоту», «Операция красота», которых объединяет представление косметической хирургии как мощного механизма принятия себя и кардинальных изменений жизненной ситуации. Примечательно, что названные ТВ-шоу не только улучшают жизнь участников программ, демонстрируя положительные изменения в их внешности и частной сфере, но и укрепляют позиции косметических операций как обычной, приемлемой и желаемой практики: «Чем больше они смотрят шоу, тем больше они становятся заинтересованными в пластической хирургии», – отмечает д-р Джон Персин, учёный, пластический хирург Медицинской школы при Йельском университете [10].

Примечательно, что сами женщины, которые обратились к косметической хирургии, отрицают влияние масс-медиа на свой выбор и формирование желаемого образа внешности. Как отмечает Сьюзен Бордо, женщины настаивают, что «делают это для себя» и это становится «мантрой телевизионных ток-шоу», на которых они делятся своим опытом [6, с. 23]. Однако исследовательница не согласна с такой последовательной декларацией независимости собственного выбора и аргументирует, что этот «индивидуальный выбор» происходит в условиях определённых культурных ограничений и директив, которыми нельзя пренебрегать, говоря о свободе выбора и самоутверждения. Ещё одним важным каналом СМИ для трансляции положительного и утвердительного образа косметической хирургии

являются гляцевые журналы. Причиной этого, по мнению феминистки Наоми Вульф, является не только собственно патриархальный стереотип, но и коммерциализация современной культуры: «Представьте себе женский журнал, который ... не печатал бы «блиц-диет», дающих быстрые результаты, мантры, провоцирующие ненависть женщин к себе, и статьи, рекламирующие профессию, представители которой режут тела здоровых женщин, – эстетическую хирургию ... Подобный журнал быстро бы обанкротился, потеряв большую часть своих рекламодателей» [2, с. 126-127]. Интересный анализ этого источника и его роли в информировании о преимуществах совершенствования тела медицинским путем предложила исследовательница Эбигейл Брукс, которая в своей статье «Под ножом и горжусь этим: анализ нормализации косметической хирургии» описывает свои наблюдения за смысловым наполнением таких журналов как Vogue, Harper's Bazaar, US Weekly и People в период с октября 2001 года по июнь 2003 и делает вывод, что большая часть статей, посвященных эстетической хирургии, в позитивном ключе описывают эту практику как технологию будущего [11, с. 213]. Однако позиция самого автора по медицинскому совершенствованию тела является неодобрительной, в первую очередь, из-за потери феноменологического позиционирования тела как инструмента познания мира, самого себя и прекращением восприятия его как карты с отпечатками истории человеческой жизни. Следовательно, в условиях, когда «религия красоты объявляет пластического хирурга художником-священником, более способным творцом, чем родная мать или «мать-природа», которая изначально производит на свет несовершенное женское тело» [2, с. 142], художественная рефлексия такого специфического биомедицинского опыта устойчиво ассоциируются с феминностью. В частности, в этом ракурсе интересно наследие французской художницы Орлан, которая в своих художественных опытах эстетической хирургии демонстрирует, как тело может быть освобождено от предопределённых природой характеристик, насколько оно свободно для самоконфигураций и открытия собственного Я, состоящего из многочисленных и подвижных идентичностей. Широкое признание Орлан принес проект «Окончательный шедевр: реинкарнация святой Орлан», состоящий из девяти перформансов-пластических операций (1990-1993), в результате которых художница получила нос Дианы-охотницы, рот Европы Буше, лоб Мона Лизы, глаза Психеи с полотна Жерара, подбородок Венеры Боттичелли. Орлан попыталась деконструировать свое тело, изменить его и подчинить себе, продемонстрировав, что данные природой черты внешности не являются единственно возможными, а человек имеет возможность изменять те органы, которые не соответствуют его самоидентификации.

Проблема телесного опыта эстетической хирургии и его влияние на осознание собственной субъектности ярко представлена в видеоматериале перформанса Рехино Хосе Галиндо «Гименопластика» (2004), во время которого гватемальские врачи без анестезии проводили операцию по восстановлению гимена художницы. Благодаря натуралистичности изображения и таким средствам визуальной выразительности как кровь, обнаженная плоть, медицинские инструменты и руки врачей в резиновых перчатках художнице удается шокировать зрителя и спровоцировать дискуссию о девичьей невинности как товаре в патриархальном обществе, объективирующем женское тело, а также продемонстрировать, насколько решающее влияние на жизнь девушки может оказывать пластическая хирургия.

Следовательно, вопрос ретрансляции стереотипов конвенциональной привлекательности в патриархальном дискурсе женственности через реализацию дисциплинарных практик является очевидно амбивалентным и требует учёта как подчиняющего характера телесных опытов бытификации, так и их потенциала для формирования собственной идентичности и утверждения права на субъектность.

Литература

1. Сокулер З. А. Знание и власть: наука в обществе модерна / Зинаида Александровна Сокулер. СПб.: РХГИ, 2001. 240 с.

2. Вульф Н. Миф о красоте: Стереотипы против женщин / Наоми Вульф [пер. с англ. А. Графовой, Т. Графовой]. М.: Альпина нон-фикшн, 2015. 445 с.
3. Погонцева Д. В. Формирование впечатления средством виртуального общения [Электронный ресурс] / Дарья Викторовна Погонцева // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2013. № 1 (январь). С. 86-90. [Электронный ресурс] – URL: <http://e-koncept.ru/2013/13018.htm> (дата обращения: 28.03.2018).
4. Hollows J. *Feminism, Femininity and Popular Culture* / Joanne Hollows. – Manchester: Manchester University Press, 2000. – 229 p.
5. Blasio B. de, Menin J. *From Cradle to Cane: The Cost of Being a Female Consumer (A Study of Gender Pricing in New York City)* [Electronic resource] / Bill de Blasio, Julie Menin // NYC Consumer Affairs. [Электронный ресурс] – URL: <http://www1.nyc.gov/site/dca/partners/gender-pricing-study.page> (access date: 28.03.2018).
6. Morgan K. P. *Women and the Knife: Cosmetic Surgery and the Colonization of Women's Bodies* / Kathryn Pauly Morgan // *Cosmetic Surgery: A Feminist Primer*. Bodmin: Ashgate Publishing Limited, 2009. P. 49-78.
7. Davis K. *Reshaping the Female Body: The Dilemma of Cosmetic Surgery* / Kathy Davis. New York and London: Routledge, 1995. 220 p.
8. Nef H. *FreeTheFemme: The aesthetics of survival* [Electronic resource] / Hari Nef // EDx Connecticut College. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0D9QIG36J9Q> (access date: 28.03.2018).
9. Уинтер Э. *Феминизм и политика внешности* / Эми Уинтер [пер. с англ. Hexacorallia] // Крона. Гендерный информационно-аналитический центр. [Электронный ресурс] – URL: <http://krona.org.ua/feminizm-i-politika-vneshnosti.html> (дата обращения: 28.03.2018).
10. Doheny K. *Cosmetic Surgery TV Shows Get Viewers Pondering* [Electronic resource] / Kathleen Doheny // ABC News. [Electronic resource] URL: <http://abcnews.go.com/Health/Healthday/story?id=4508234&page=1> (access date: 28.03.2018).
11. Brooks A. "Under the Knife and Proud of It". *An Analysis of the Normalization of Cosmetic Surgery* / Abigail Brooks // *Critical Sociology*, 2004. #30. P. 207-239.

References

1. Sokuler Z. A. *Znanie i vlast': nauka v obshchestve moderna* / Zinaida Aleksandrovna Sokuler. SPb.: RHGI, 2001. 240 s. (in Russian).
2. Vul'f N. *Mif o krasote: Stereotipy protiv zhenshchin* / Naomi Vul'f [per. s angl. A. Grafovoj, T. Grafovoj]. M.: Al'pina non-fikshn, 2015. 445 s. (in Russian).
3. Pogonceva D. V. *Formirovanie vpechatleniya sredstvom virtual'nogo obshcheniya* / Dar'ya Viktorovna Pogonceva // *Nauchno-metodicheskij ehlektronnyj zhurnal «Koncept»*. 2013. #1 (yanvar'). S. 86–90. [Elektronnyy resurs] – URL: <http://e-koncept.ru/2013/13018.htm> (data obrashcheniya: 28.03.2018) (in Russian).
4. Hollows J. *Feminism, Femininity and Popular Culture* / Joanne Hollows. Manchester: Manchester University Press, 2000. 229 p.
5. Blasio B. de, Menin J. *From Cradle to Cane: The Cost of Being a Female Consumer (A Study of Gender Pricing in New York City)* [Electronic resource] / Bill de Blasio, Julie Menin // NYC Consumer Affairs. [Elektronnyy resurs] – URL: <http://www1.nyc.gov/site/dca/partners/gender-pricing-study.page> (access date: 28.03.2018).
6. Morgan K. P. *Women and the Knife: Cosmetic Surgery and the Colonization of Women's Bodies* / Kathryn Pauly Morgan // *Cosmetic Surgery: A Feminist Primer*. Bodmin: Ashgate Publishing Limited, 2009. P. 49-78.
7. Davis K. *Reshaping the Female Body: The Dilemma of Cosmetic Surgery* / Kathy Davis. New York and London: Routledge, 1995. 220 p.
8. Nef H. *FreeTheFemme: The aesthetics of survival* [Electronic resource] / Hari Nef // EDx Connecticut College. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0D9QIG36J9Q> (access date: 28.03.2018).

9. Winter A. Feminizm i politika vneshnosti / Ami Winter [per. s angl. Hexacorallia] // Krona. Genderniy informatsiyno-analitichniy centr. [Elektronnyy resurs] – URL: <http://krona.org.ua/feminizm-i-politika-vneshnosti.html> (data obrashcheniya: 28.03.2018) (in Russian).

10. Doheny K. Cosmetic Surgery TV Shows Get Viewers Pondering [Electronic resource] / Kathleen Doheny // ABC News. URL: <http://abcnews.go.com/Health/Healthday/story?id=4508234&page=1> (access date: 28.03.2018).

11. Brooks A. “Under the Knife and Proud of It”. An Analysis of the Normalization of Cosmetic Surgery / Abigail Brooks // *Critical Sociology*, 2004. #30. P. 207-239.

Gazniuk Lydia M.

CORPOREALITY AS A BASIS OF WOMEN'S IDENTITY IN THE CULTURE OF EVERYDAY LIFE

Resume

The article presents the unified and repressive models of female identification. The evolution of the gender aspects influence on the main paradigm of the body-oriented attitude has been traced and the conclusion is drawn that the feminist approach has allowed to critically comprehend the influence of specific female dimensions of bodily being on the construction of the social and normative experience of femininity. An important authoritative mechanism for the legitimization of female subordination is the bodily practices of an everyday life culture, the study of which opens up broad prospects for understanding the very structure of patriarchal construction of femininity. Application of the «disciplinary practices» concept and Michel Foucault's theory of micropower systems allows to understand how the cultural inculcation of normative femininity occurs for female objectified bodies through the implementation of such everyday practices as weight control, aesthetic surgery, work for beauty, some exercises, caring for hair, skin and similar to them.

One of such disciplinary practices permeating the entire structure of patriarchal Western European culture is the concept of the professional qualification of beauty as a component of the beauty myth what identifies socially acceptable models of corporality, affirms the unequal opportunities and professional discrimination of women and the need for permanent development of one's own attractiveness as an important condition for career growth. The peculiarities of the performativity phenomenon as a series of repetitive acts of gender identity assertion and the characteristic relativity of choice freedom in the process of gender styling of the body, determined by the socio-cultural context of the subject's functioning, are studied. It is grounded that the fashion industry, based on the development of gender identities, presented as models of appearance and behaviour, reflects the deep essence of the performativity phenomenon, forming a regulatory and imperious space for committing acts of gender manifestation.

Analysis of tools for implementing the body policy in the cultural discourse of beautification made it possible to identify the following repressive bodily practices of femininity production based on manipulating the female sense of inferiority and aimed at increasing the level of women's economic dependence on conforming to patriarchal norms of the female body acceptability: oniomania (shopologism), aesthetic surgery, experience eating disorders and experiencing of one's own body mismatching with cultural standards and aesthetic ideals. Appeal to the artistic reflection of corporality cultural practices through the methodological prism of the Julia Kristeva's theory of disgust helps to understand the ambiguity in the interpretation of them as exclusively oppressive and disciplining female body and identify them as a potential space for improvement and giving inner strength to women as a way of awareness of their own subjectivity. It is substantiated that the performative potential of fashion consists in reproducing the principles of otherness and exclusivity that differentiate disparate groups of consumers, as well as in developing changing images corresponding to a certain worldview situation and relevant in the process of their permanent reproduction.